

МАЛАЙЗИЯ: ОТНОШЕНИЯ С КИТАЕМ (Безусловный приоритет национальных интересов)

Отношения с Китаем неизменно находились в фокусе самого пристального внимания правящих кругов Малайи/Малайзии с момента обретения независимости. Не исключением являлся 22-летний период пребывания у власти Махатхира Мохамеда. В его бытность на посту главы правительства и в последующий период, внешнеполитический курс Малайзии в отношении Среднего государства эволюционировал по мере трансформации роли и места Китая в международных отношениях на региональном и глобальном уровнях. При этом константой неизменно выступали национальные интересы в их понимании и трактовке правящей элитой Малайзии.

На начальных стадиях премьерства (1981-1990 гг.) Махатхир и его внешнеполитические советники стали свидетелями, что не материализовался предсказывавшийся многими аналитиками сценарий, по которому под давлением внутренних политических реформ либерального толка и нарастания местного сепаратизма Китай войдет в полосу длительного кризиса и в конечном итоге разделит судьбу Советского Союза. Правящая элита Малайзии оценивала гипотетические последствия дезинтеграции Поднебесной как апокалипсический кошмар. Развал огромного государства неизбежно вызвал бы наплыв десятков, если не сотен тысяч беженцев из континентального Китая, что взорвало бы хрупкий этнический баланс в Малайзии, где местные китайцы на тот момент уже составляли около 40 процентов населения.

Однако после событий на площади Тяньаньмынь в Пекине в июне 1989 г. политическое руководство КНР сумело взять под твердый контроль политические процессы в стране, обеспечить устойчивый рост народного хозяйства и недвусмысленно заявить о себе как о растущей региональной сверхдержаве. Нормализация китайско-советских отношений, по мнению не-

которых малайзийских исследователей, развязало руки Пекина на севере, позволив развернуться в южном направлении, включавшем Южно-Китайское море, Малаккский пролив и Индийский океан.¹

При Махатхире продолжилось и завершилось практическое закрепление территориальных притязаний Малайзии в Южно-Китайском море (ЮКМ), основанных на принадлежности ей продолжения континентального шельфа в районе Борнео (Калимантана). Начиная с 1983 г. Малайзия установила контроль над атоллom Лаянг-Лаянг (*Swallow*), построив там причал для военных кораблей, затем были заняты рифы Теримбу Уби (*Adasier Reef*) и Теримбу Мантанани (*Mariveles Reef*). Резко была увеличена активность по разведке запасов углеводородного сырья в этом районе и введено в строй около 100 нефтегазовых скважин. В 1990 г. Малайзия объявила о создании базы подводных лодок на острове Лабуан, лежащий у северных берегов штата Сабах.² Все эти действия носили явную антикитайскую направленность.

Вместе с тем, малайзийская дипломатия не могла не учитывать феномена бурного становления Китая в качестве третьей по потенциалу мировой экономики. Три четверти времени пребывания Махатхира у власти совпало с китайским экономическим бумом, произведшим огромный демонстрационный эффект на руководителей стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). На протяжении 90-х годов Китай получил больше прямых иностранных инвестиций, чем любая другая страна. Занимая в 1980 годы 32-е место в мировой торговле, он поднялся в середине 90-х на 11-ю позицию. С присоединением Гонконга, КНР дополнительно значительно усилила свои позиции в международной торговле.

Игнорирование этого важнейшего фактора противоречило бы магистральному курсу премьер-министра на создание крепкого национального предпринимательского класса, далеко не в последнюю очередь путем активного подключения внешнеэкономической дипломатии, одним из главным объектов которой выступал огромный китайский рынок. Открывая Китай для национального бизнеса, в том числе местных этнических китайцев, Махатхир на протяжении 90-х годов четырежды побывал в

Пекине. За период 1996-2003 гг. малайзийские компании инвестировали в Поднебесной свыше 3 млрд. долл., а двусторонняя торговля за то же время выросла с 3,7 млрд. долл. до 14 млрд. долл. США.³

Выстраивая архитектуру отношений с Китаем, правительству Махатхира приходилось неизменно учитывать такой кардинальный фактор, что Срединное государство являлось пра- родиной значительного числа малайзийских граждан, связанных с ним традиционными психологическими и наследуемыми из поколения в поколение семейными узами. Состояние двусторонних отношений прямо и косвенно влияло на позицию местных хуацяо в отношении собственного правительства. Правящая элита Малайзии никогда не забывала, что на протяжении двух десятилетий после окончания второй мировой войны КНР поддерживала компартию Малайи, костяком которой выступали местные этнические китайцы.

В целом, Китай одновременно представлял собой угрозу национальной безопасности и притягательную силу в плане расширения внешнеэкономических возможностей. Если на ранней стадии Махатхира беспокоила первая проблема, то в последующие годы внимание его правительства переместилось на вопросы, каким образом и с наибольшей выгодой выстроить торгово-экономические связи с КНР. Выступая в январе 1995 г. на международной конференции по торговле и инвестициям в Куала-Лумпуре, премьер выразил мнение, что «сегодня никто серьезно не верит, что Китай склонен к экспорту коммунистической идеологии. Мы должны окончательно похоронить угрозу идеологической подрывной деятельности и свержения законной власти». Излагая далее позицию своего правительства, он заявил, что «по этим и иным причинам Малайзия отказывается рассматривать Китай в качестве военной и политической угрозы. Мы предпочитаем видеть его как друга и партнера в обеспечении нашего мира и благополучия, а также всего региона».⁴

Правительство Махатхира подтвердило неизменность политики «одного Китая». Пекину дали понять, что Малайзия не одобряет какие-либо агрессивные действия против Тайваня, особенно если в конфликт вмешаются США, но с пониманием

отнесутся к действиям Пекина, если конфликт спровоцирует Тайбэй.

Динамика строительства отношений с Китаем подсказывала малайзийской дипломатии вариант использования инициатив в экономической сфере для решения проблем национальной безопасности. Если предшественники Махатхира пытались полагаться на стратегию поддержания баланса сил и нейтрализации ЮВА, то он сделал ставку на перерождение китайской экономики в соответствии с нормами рыночного хозяйства и всестороннее включение Китая в мировые интеграционные процессы, что отвлекло бы ресурсы КНР от наращивания военной мощи. В Куала-Лумпуре надеялись, что Китай, вставший на рельсы рыночной экономики, будет представлять меньшую опасность для соседних государств.

Конструирование нового типа отношений с КНР побудило Махатхира пересмотреть взгляд на Асеановский региональный форум по проблемам безопасности (АРФ), ранее рассматривавшийся как инструмент вмешательства крупных держав в дела ЮВА. Куала-Лумпур пришел к выводу, что формирование структуры торгово-экономической взаимозависимости будет недостаточно эффективным, если не будет сопровождаться вовлечением Китая в региональные политико-дипломатические диалоговые структуры. Иными словами, при Махатхире во второй половине 90-х годов сформировалось мнение, что участие КНР в АРФ, наряду с США, Японией, Россией и Индией, поможет создать достаточно устойчивый баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), сделает более прозрачными ее долгосрочные намерения, а подключение Поднебесной к консультациям по укреплению мер доверия и превентивной дипломатии явилось бы крупным успехом. Малайзия позитивно восприняла начало публикации китайскими властями «белых книг» по вопросам военной стратегии КНР. Вместе с тем, в Путрадже, куда переехала новая административная столица Малайзии, стремились сохранить свободу рук для решения проблем обеспечения собственных интересов, в частности, в районе архипелага Спратли.

Негативное воздействие на обстановку в ЮКМ оказали предпринятые КНР в начале 1992 г. юридические и практиче-

ские меры: закон о территориальном море и пограничных районах, а также оккупация ряда островов Спратли. Они принудили страны АСЕАН впервые коллективно обратиться к проблеме. Специальное министерское совещание стран АСЕАН, проведенное в середине 1992 г. в филиппинской столице приняла декларацию с призывом ко всем вовлеченным в территориальный спор сторонам ограничиваться мирными средствами, избегая действия по милитаризации островных территорий, и приступить к началу совместного освоения ресурсов архипелага. Китай, в принципе поддержав Манильскую декларацию, отказался официально присоединиться к ней, сославшись на нерушимость своих исторических и юридических прав на суверенитет над Спратли.⁵

Вспыхнувший в 1995 г. конфликт между Китаем и Филиппинами вокруг рифа Мисчиф (*Mischief Reef*) фактически свел к нулю позитивные ожидания, связанные с Манильской декларацией. В 1997 г. во время торжественных мероприятий в Куала-Лумпуре по случаю 20-летней годовщины создания АСЕАН китайские представители вновь заявили об исключительном суверенитете КНР над акваторией ЮКМ, выразив одновременно готовность решать спорные вопросы мирными средствами. В 1998 г. КНР соорудила вертолетную площадку, арсенал и военный причал на Мисфиче, поставив тем самым под сомнение свою ранее выраженную готовность избегать применения вооруженной силы.

Продолжавшиеся в 2000-2001 гг. консультации между странами АСЕАН и КНР неизменно заходили в тупик. Что же касалось Путраджаи, там исходили из убеждения, что китайское давление в основном было направлено на сопредельный Вьетнам, а сама Малайзия в силу географической удаленности находилась на периферии китайских интересов в ЮКМ. Своим выбором в рамках переговоров АСЕАН-КНР малайзийская дипломатия сделала сепаратный курс. Она выступила против предложения Филиппин разработать единую позицию асеановской «десятки». Палки в колеса ставились в попытки интернационализации проблемы. Тогдашний министр иностранных дел Малайзии Сайед Хамид Албар в июле 1999 г. также отверг тре-

бование Манилы внести проблему Спратли в повестку дня АРФ.

Малайзия внесла компромиссный вариант документа о будущем статусе отношений прибрежных государств ЮКМ. Она предложила изменить первоначальное название, изменив Кодекс поведения на Декларацию о кодексе поведения сторон. Тем самым Декларация теряла значение юридического документа, носящего обязательный характер, приобретая характер политической декларации о намерениях сторон. Помимо этого, проект документа не содержал четкого указания на географические границы ареала его применения, на чем, в частности, настаивал Вьетнам.

Проект Декларации также предусматривал, что возникающие разногласия и споры должны решаться на двусторонней основе, исключая привлечение внерегиональных участников. Обговаривалось также, что конкретные мероприятия по налаживанию взаимодействия между подписантами Декларации должны осуществляться на сугубо добровольной основе, а внесение дополнений и изменений в ее текст возможно только на основе консенсуса.⁶

Предложив свой вариант, Путраджая, возможно, исходила из позова, что «худой мир лучше доброй войны». Однако, скорее, дипломатия Махатхира делала расчет на достижения приемлемого *status quo* с Китаем по проблеме Спратли в контексте двусторонних сепаратных договоренностей, что формально не противоречило букве Декларации о кодексе поведения сторон в Южно-Китайском море, официально принятой 4 ноября 2002 г. Тем не менее, появление документа на свет, ставшее в значительной степени результатом подыгрывания малайзийской дипломатии жестким требованиям Пекина, имело позитивное значение, открыв путь для присоединения в ноябре 2002 г. Китая, первым среди крупных держав, к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, составлявшем правовую основу обеспечения безопасности в регионе.

На другом дипломатическом фронте благожелательную реакцию Пекина уже изначально встретила обнародованная Махатхиром в конце 1990 г. идея формирования Восточноазиатской экономической группы (ВАЭГ), объединения стран ти-

хоокеанской Азии со сходными хозяйственными моделями и социально-культурными ценностями. ВАЭГ мыслилась как противовес форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), спонсированного Австралией и стоявшими за ее спиной США. В условиях, когда идея премьер-министра Малайзии наткнулась на активное сопротивление США и встретила весьма двусмысленную реакцию Японии, Китай оказался единственной крупной державой АТР, поддерживавшей ВАЭГ, вскоре по тактическим соображениям переименованную в Восточноазиатский экономический форум (ВАЭФ).

Хотя со временем Вашингтон посчитал идею ВАЭФ похороненной, она в результате закулисного дипломатического маневрирования Малайзии при поддержке КНР неожиданно перевоплотилась в конце 90-х годов в форму структуры сотрудничества АСЕАН + 3 (АПТ), т.е. «десятки» стран АСЕАН, Китая, Японии и Южной Кореи. В 2002 г. Пудраджа, опираясь на китайское содействие, попыталась образовать секретариат АПТ, но не нашла поддержки некоторых партнеров по АСЕАН.

Как раз созданная в рамках АПТ исследовательская группа выступила с предложением о создании на постоянной основе Восточноазиатского саммита (ВАС) для обсуждения широкого круга проблем обеспечения безопасности, политического взаимодействия и торгово-экономического сотрудничества в обширном регионе тихоокеанской Азии. Однако в дальнейшем, когда к участникам ВАС присоединились Австралия, Индия и Новая Зеландия, Малайзия и Китай предпочли ограничить его ролью «диалогового форума», а в качестве главного инструмента создания в перспективе Восточноазиатского сообщества считать структуру АПТ.

В резкой форме решительное несогласие с расширением числа участников ВАС высказал Махатхир, к тому времени простиившийся с креслом главы правительства. Со свойственной ему прямоотой он заявил, что включение Австралии и Новой Зеландии коренным образом изменило сущность первоначальной идеи, окрестив ВАС в новом формате «Восточноазиатско-австралозийским саммитом». По его мнению, Австралия и Новая Зеландия по своей культурной идентичности не принадле-

жат к Восточной Азии. Более того, малайзийский патриарх окрестил Австралию «заместителем американского шерифа», призванным на охрану интересов США в Восточной Азии.⁷

В начале постмахатхировская эры

Сменив Махатхира в октябре 2003 г. в офисе премьер-министра, Абдулла Ахмад Бадави, в прошлом продолжительный срок занимавший пост министра иностранных дел, поставил перед дипломатическим ведомством Малайзии задачу обеспечить преемственность и динамичное продолжение прежнего внешнеполитического курса, более четко и конкретно обозначить международные позиции Малайзии, давать прагматичный ответ на геополитические и мирохозяйственные вызовы.⁸

Хотя политические отношения Малайзии с такими ведущими внешнеполитическими партнерами, как США и Сингапур начали претерпевать серьезные изменения, базовым элементом взаимных связей с Китаем остались торговля и инвестиции. Свой визит в Пекин в мае 2004 г., посвященный 30-летию установления официальных отношений между Малайзией и КНР, пятый по счету малайзийский премьер-министр практически полностью посвятил торгово-экономическим темам. Беспокойство Путраджаи вызывал тот факт, что хотя в абсолютных цифрах объем взаимного товарооборота неуклонно возрастал, в нем образовалось растущее отрицательное сальдо. Национальный бизнес стал терять конкурентоспособность по сравнению с более дешевыми китайскими промышленными товарами, одновременно сохранялись препятствия для продвижения на рынок КНР высокотехнологичной продукции, в производстве которой Малайзия сохраняла сравнительные преимущества. Озабоченность властей и крупного бизнеса Малайзии вызывала также ясно утвердившаяся тенденция оттока прямых зарубежных инвестиций в связи с невиданным хозяйственным бумом в Поднебесной.

Принимая с визитом в декабре 2005 г. премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, участвовавшего в комплексе ежегодных мероприятий по линии АСЕАН и инаугурации ВАС, Абдулла заверил китайского лидера, что правительство Малайзии расценивает феноменальный экономический рост Китая не только

как вызов соседним странам, но и в качестве дополнительной возможности для собственного прогресса. Вместе с тем, премьер призвал китайского коллегу приступить к совместному поиску дополнительных сфер взаимовыгодного сотрудничества, указав, в частности, на сферы энергетики и туризма.⁹

В июне 2006 г. малайзийская государственная компания *Petronas* и китайская корпорация *China National Offshore Oil* подписали контракт на поставки сжиженного природного газа (СПГ) в КНР. Соглашение имело такую высокую степень важности, что о его заключении было объявлено Абдуллой и Вэнь Цзябао лишь спустя три месяца в южнокитайском Наньнине в ходе юбилейного саммита АСЕАН-КНР, посвященного 15-летию двустороннего диалогового партнерства.

Контракт, подписанный сроком на 25 лет и на сумму в 25 млрд. долл., предусматривал ежегодные поставки около 3 млн. тонн СПГ до 2012 г. с дальнейшим сохранением уровня отгрузки продукта на весь последующий срок соглашения. Поставки должны были производиться с принадлежавшего *Petronas* одного из крупнейших в мире завода по сжижению газа в районе Бинтулу в Сараваке. В свою очередь, предприятие работало на сырье, добываемом на шельфе ЮКМ в зоне притязаний КНР.¹⁰

Заключение соглашения, одобренного на высшем уровне, обнажало весьма примечательный факт. А в конкретном измерении, что КНР фактически признала, что именно Малайзия являлась владельцем газовых месторождений, расположенных в 200 милях от побережья штата Саравак в ЮКМ. В противном случае, вряд ли Пекин стал расходовать миллиардные суммы на приобретение газа, добываемого иностранным государством на его суверенной территории.

В июле 2007 г. Абдулла направил в Пекин своего министра иностранных дел Сайеда Хамида Албара. Основной задачей его миссии являлось привлечение китайских инвестиций в задуманный премьер-министром грандиозный проект создания свободной экономической зоны Искандар на юге штата Джохор, пограничного с Сингапуром. Проект, скопированный с действующих аналогичных начинаний в Китае и Кувейте, был призван превратить этот район в крупную агломерацию, в которой соседствовали бы высокотехнологичные производства,

научно-исследовательские центры, туристические и жилые зоны повышенной комфортности. По планам правительства Абдуллы, главными инвесторами в реализации проекта Искандар должны были выступить, наряду с ТНК и сингапурскими вкладчики капитала крупные китайские инвесторы. Однако, как продемонстрировал дальнейший ход событий, компании КНР не проявили особого энтузиазма по поводу участия в финансировании задумки малайзийского премьера. В качестве его личной победы можно было лишь считать согласие КНР выделить крупный кредит на сооружения второго моста, соединяющий остров Пинанг, «малую родину» Абдуллы, с материковой частью Полуостровной Малайзии.

При Абдулле Малайзия приоткрыла двери для налаживания сотрудничества с КНР в военной сфере. В апреле 2006 г. по приглашению Наджиба Разака, тогдашнего министра обороны, страну посетил его китайский визави Као Гангчуан, высказавшийся за развитие полнокровных связей между оборонными ведомствами двух стран на основе достигнутого в сентябре 2005 г. соглашения о военном сотрудничестве. В качестве первого шага он предложил проведение совместных маневров и поисково-спасательных операций, а также взаимный обмен слушателями военных учебных заведений. Эти предложения встретили позитивную реакцию, от себя Наджиб добавил полезность организации визитов кораблей ВМФ Малайзии в порты КНР.¹¹

Ранее КНР предлагала Малайзии ряд систем оружия, включая надводные корабли. Однако Путраджая ответила вежливым отказом, предпочтя традиционных поставщиков – США, Великобританию и Францию, а также Россию. В 2004 г. она в принципе согласилась на закупку китайских зенитных комплексов среднего радиуса в обмен на поставку технологий производства переносных зенитных ракет. Однако в дальнейшем малайзийское военное ведомство потеряло интерес к этой сделке, испытывая трудности с бюджетным финансированием, а также получив от России предложение поставить аналогичную технику и технологии ее производства по более низкой цене.¹²

Выступая в апреле 2006 г. в парламенте, Наджиб призвал депутатов не рассматривать усиление военно-морской мощи КНР как свидетельство экспансионистских устремлений Поднебесной. Министр обороны и другие официальные лица в правительстве Малайзии предпочитали, во всяком случае публично, озвучивать точку зрения, что Китай не вынашивает гегемонистских амбиций в отношении стран ЮВА. В малайзийских правящих политических и близких к ним академическим кругах стало некорректным именовать КНР иначе, чем дружественное государство. Всем сомневающимся в этом, как правило, ограничивали возможность открыто высказывать собственное мнение.¹³

Что же касалось подхода КНР к Малайзии, он определялся, прежде всего, геополитическими интересами, как к стране, вдоль западного побережья которой пролегал стратегически важный Малаккский пролив, артерия, обеспечивавшая поступление около 80 процентов необходимого китайской экономике энергетического сырья. Данная реальность определяло повышенную заинтересованность Пекина в поддержании и развитии оптимально дружественных отношений с Путраджаей. Не располагая возможностями обеспечить безопасность морского судоходства в 960-километровом проливе собственными силами, Китай высоко оценил официальный отказ Малайзии привлечь к выполнению данной задачи США, Японию и Индию, своих традиционных антагонистов. Со своей стороны, КНР предложила содействовать Малайзии в обеспечении безопасности Малаккского пролива посредством обмена разведывательной и иной информацией.

В более широком контексте лейтмотивом заявлений китайских руководителей разного уровня в ходе встреч и переговоров с малайзийцами неизменно выступал тезис, что всесторонний рост могущества Поднебесной несет лишь благо населяющим народам ЮВА. С целью нивелировать страхи по поводу «мягкого наступления» на Наньян, «страны южных морей» по китайской терминологии, использовались лозунги «нести добро соседям, обращаться с соседями как с партнерами» (*yulin weishan, yilin weiban*), и «поддерживать дружественные

отношения с соседями, помогать им ощущать себя в безопасности, способствовать их обогащению» (*mulin, anlin, fulin*).¹⁴

Важное место во внешнеполитической пропаганде Пекина отводилось проведением исторических параллелей между современностью и эпохой средневековой династии Мин. В особенности оказывалось на благоприятное значение связей, возникших в результате морских путешествий китайского адмирала Чжэн Хэ (1405-1433 гг.). Особо подчеркивалось, что установившиеся в их результате вассальные отношения небольших прибрежных княжеств Наньяна по отношению трона могущественного минского императора защитило от внешней угрозы, материально и культурно обогатили их население. На этом основании следовал недвусмысленный намек, что доминирование КНР в нынешнюю эпоху должно принести странам ЮВА такие же, если не большие блага, чем во времена основателя минской династии императора Чжу Ди.¹⁵

В 2005 г. в Китае торжественно отпраздновали 600-летие первого путешествия Чжэн Хэ, пригласив представителей малайзийской китайской диаспоры. В Мелаке (Малакка), которую в 1409 г. посетила его флотилия, нынешней столице одноименного штата Малайзии, был сооружен памятник знаменитому китайскому мореплавателю, считаемому основателем местной китайской общины и в известной степени ее святым покровителем.

Наджиб Разак и Китай

Пришедший к власти в условиях углубляющегося глобального экономического кризиса и обострения внутривнутриполитической обстановки в стране, новый премьер-министр Малайзии Наджиб Разак вольно или невольно был «приговорен» обратить повышенное внимание на китайское направление своей дипломатии. Уместно в этой связи, видимо, принять во внимание, что для Наджиба отношения с Китаем имели особое значение в личном плане. Он приходился сыном второму премьер-министру Малайзии Абдул Разаку, совершившему в мае 1974 г. «исторический» визит в Пекин и первым среди стран АСЕАН установившему дипломатические отношения с «красным» Китаем. Тогдашний визит стал крупнейшим дипломатическим

прорывом Малайзии на международной арене и личным триумфом Абдул Разака. Наджиб явно рассчитывал продолжить проторенную родителем стезю, обзавестись на этом поприще собственными лаврами.

Действительно знаковым событием, имея в виду широту повестки дня переговоров и количество одобренных документов по дальнейшему развитию двусторонних взаимосвязей, стал визит нового главы кабинета в Пекин в июне 2009 г., приуроченный к 35-летию установления дипломатических отношений между двумя государствами.

Данное обстоятельство подчеркивало особую значимость Китая как партнера Малайзии в условиях разразившегося глобального кризиса, болезненно сказавшегося на состоянии национальной экономики. Падения спроса на рынках США, Японии и Западной Европы вызвало значительное падение экспорта, в отрицательной зоне оказался прирост ВВП. Прибыв в китайскую столицу, Наджиб заявил, что видит в Китае авангард вывода мировой экономики из полосы рецессии, призвал к усилению интеграции между экономиками Восточной и Юго-Восточной Азии.¹⁶

Визит Наджиба оказался насыщенным контрактами, нацеленными на создание новых возможностей для национального бизнеса в КНР, что, в свою очередь, было призвано дать дополнительный импульс росту экономики страны. Одно из главных подписанных соглашений предусматривало участие консорциума малайзийских компании в проекте строительства городской агломерации в провинции Шандунь, предусматривавшего массовых жилищное строительство, сооружение торгово-развлекательных комплексов, а также целого ряда образовательных центров университетского уровня. Данный проект мог стать первым начинанием подобного рода в истории двусторонних экономических отношений и одним из крупнейших венчурных проектов, осуществляемых иностранным капиталом на территории КНР. Его можно было считать проявлением новой тенденции в зарубежной инвестиционной политике Малайзии. Помимо этого, в Пекине было подписано также 16 соглашений о сотрудничестве в различных отраслях, начиная с био-

технологий и заканчивая созданием совместных телепрограмм¹⁷

В ходе визита в Пекин Наджиб намеревался договориться о наращивании китайских инвестиций в Малайзии, остававшихся на весьма низком уровне. За период 2000-2008 гг. они составили лишь 134 млн. долл., в то время как малайзийские компании вложили в китайскую экономику 1.36 млрд. долл.¹⁸ В ходе переговоров с председателем КНР Ху Цзиньтао и премьером Вэнь Цзябао обсуждались вопросы строительства на основе крупного китайского льготного кредита двухколейной железной дороги в Западной Малайзии. Наджиб предложил китайской стороне принять участие в завершении сооружения гидротехнического комплекса Бакун в Сараваке, включая прокладку высоковольтного кабеля по дну ЮКМ для подачи электроэнергии в полуостровную часть Малайзии.

Еще в феврале 2009 г. для облегчения условий взаимного инвестирования Пураджая и Пекин заключили споголашение об обмене национальными валютами в размере 40 млрд. малайзийских ринггит или 80 млрд. юаней. Малайзия также предложила Народному банку Китая лицензию на обслуживание действующих в стране китайских компаний, испытывающих проблемы с краткосрочной ликвидностью.¹⁹

Хотя взаимная торговля росла высокими темпами, достигнув к концу 2008 г. почти 40 млрд. долл., а КНР вышла на 4-е место среди ведущих внешнеторговых партнеров Малайзии, премьер-министр предложил вплотную заняться совместными шагами по ее диверсификации. На тот момент около 70 процентов малайзийского экспорта в КНР составляла продукция электротехнической и электронной промышленности, а также пальмовое масло. Соответственно 65 процентов импорта из Китая приходилось на электротехнические изделия, отдельные виды машинного оборудования и запасные части. Малайзийский лидер призвал китайских партнеров увеличить долю высокотехнологичной продукции, расширить сотрудничество в сфере туризма, торговли финансовыми услугами и строительства.²⁰

Переговоры в Пекине проходили за полгода до вступления в силу Соглашения о свободной торговле между АСЕАН и

КНР (КАФТА). Для Малайзии это означало, что к концу 2010 г. тарифы на всю номенклатуру ее экспорта в Китай отменялись полностью, одновременно аннулировались тарифные ограничения на 9 тыс. наименований товаров, импортируемых из «срединного государства».²¹

На пекинской встрече, по естественным причинам, большое место заняло обсуждение политической проблематики. В духе сложившихся подходов малайзийской дипломатии, Наджиб высказался за урегулирование споров в ЮКМ мирными дружественными средствами, дабы гарантировать, что имеющиеся разногласия не нанесут ущерба «сердечным отношениям» сторон в будущем.²²

Соперничество национальных суверенитетов в ЮКМ едва не обернулось острым дипломатическим конфликтом, когда в мае 2009 г. Малайзия и Вьетнам совместно обратились в Комиссию по лимитам континентального шельфа при ООН (CLCS) по поводу территориальных притязаний КНР в ЮКМ. Демарш вызвал острую реакцию в Пекине, отвергшим аргументы, представленные Путраджаей и Ханоем, и добившимся, что Комиссия не стала рассматривать обращение. Тем не менее, факт сам по себе бросил тень на малайзийско-китайские политические отношения.

Стороны, однако, предпочли расценить инцидент как недоразумение. Вэнь Цзябао заверил малайзийского коллегу, что КНР намерена придерживаться известной Декларации 2002 года. Со своей стороны, Наджиб, выступая в Пекинском университете международных исследований, заявил, что Путраджа считает Китай не угрозой, а важным партнером. Стороны согласились принимать во внимание коренные интересы друг друга в ЮКМ и идти по пути интенсификации взаимодействия в его акватории. Были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве в сфере морских исследований, а также подписан план совместных действий по эксплуатации ресурсов ЮКМ.²³

К обоюдному удовлетворению сторон, визит завершился в «розовых» тонах. Вернувшись из поездки, Наджиб заверил сограждан, что визит явился успешным как с точки зрения «исторической перспективы, так и будущего развития двух стран». В

аналогичном духе высказался Ху Цзиньтао, подчеркнув, что двусторонние отношения вступили в «более зрелую по глубине фазу взаимодействия».²⁴

В рамках празднования юбилея дипломатических отношений между двумя странами в ноябре 2009 г. с ответным визитом Малайзию посетил Ху Цзиньтао. Он стал вторым по счету главой китайского государства после побывавшего в Куала-Лумпуре в 1994 г. Цзян Цзэминя. Визит председателя Ху осуществлялся в рамках азиатского турне, основным моментом которого являлось участие в саммите АТЭС в Сингапуре.

Повестка дня визита предусматривала церемонию открытия в Куала-Лумпуре отделения Промышленно-коммерческого банка Китая, ставшим после Банка Китая вторым финансовым учреждением КНР в Малайзии. Было объявлено также о создании совместного предприятия между одной из китайских фирм и компанией *Sime Darby*, крупнейшим производителем пальмового масла. Китай на тот момент являлся крупнейшим импортером этого продукта малайзийского плантационного хозяйства, завозя ежегодно около 356 тыс. тонн. Получила реализацию договоренность, достигнутая во время пекинского визита Наджиба, и подписан контракт об участии китайского капитала в строительстве 197-километровой железной дороги Гемас - Джохор-Бару стоимостью около 3 млрд. долл.²⁵

Уместно, видимо, отметить, что визит лидера КНР, продемонстрировавший дружественный характер малайзийско-китайских отношений, имел для правительства Наджиба большое значение не только с чисто коммерческой точки зрения, но и позиций политических. С помощью его демонстративного эффекта правящий Национальный фронт (НФ), коалиция этнических и региональных партий во главе с Объединенной малайской национальной организацией (ОМНО), стремился в доступной мере восстановить лояльность местного китайского населения. На всеобщих выборах 2008 г. китайский электорат показал глубокое недовольство широким аспектом политики властей, что привело к потере НФ абсолютного большинства в федеральном парламенте и утере контроля за рядом ведущих штатов страны.

Выступая в конце апреля 2010 г. в Куала-Лумпуре на открытии отделения Промышленно-коммерческого банка Китая, Наджиб заявил, что в предыдущем году, пришедшемся на пик глобальной рецессии, КНР стала крупнейшим коммерческим партнером Малайзии, а взаимный товарооборот достиг 51.9 млрд. долл. Премьер выразил надежду, что объем торговли можно будет удвоить в течение ближайших 5 – 6 лет. Он отметил также, что углубление двусторонних связей позволило малайзийским компаниям выйти на такие сектора национального хозяйства Китая, как оптовая и розничная торговля, производство телекоммуникационной техники. Данные направления, по его словам, открывали самые благоприятные перспективы, учитывая демографический фактор и рост благосостояния населения КНР. Наряду с этим, Наджиб выразил пожелание, чтобы двустороннее торгово-инвестиционное сотрудничество охватывало бы такие отрасли, как энергетика, сельское хозяйство, рыболовство, сферу науки и высоких технологий.²⁶

Новым важным прорывом в двусторонних экономических отношениях выступило подписание в начале 2010 г. контракта между малайзийским инвестиционным агентством *1 Malaysia Development (IMDB)* и Государственной корпорацией электрических сетей Китая (*CGCC*). Контракт стоимостью 11 млрд. долл. предусматривал завершение сооружения гидротехнического комплекса и крупного алюминиевого завода на базе замороженного в предыдущие годы проекта Бакун в Сараваке, начатого во времена Махатхира. Предварительная договоренность по этому вопросу была достигнута в ходе визита Наджиба в Пекин в середине 2009 г. По объему выделяемых китайской стороной средств саравакский проект перекрыл стоимость строительства нефтеперерабатывающего завода в штате Кедах. На него КНР ассигновала 10 млрд. долл.²⁷

Обращал на себя внимание тот факт, что вести финансовые дела с Китаем было поручено инвестиционно-банковскому холдингу *Commerce International Merchant Bankers (CIMB)*, принадлежавшему Назиру Разаку, одному из младших братьев премьер-министра. За годы пребывания Наджиба на постах министра обороны и главы кабинета холдинг превратился в крупнейшего игрока на финансовом поле Малайзии, вынашивая ам-

бициозные планы стать ведущей банковской корпорацией всей зоны АСЕАН. В октябре 2010 г. в ходе ежегодных асеановских мероприятий, проходивших в Ханое, СИМВ, выступая во главе ряда банков стран региона Юго-Восточной Азии, подписал соглашение о создании Межбанковской ассоциации Китай - АСЕАН (*Caiba*).²⁸

Даже поверхностный анализ свидетельствовал, что инвестируя весьма значительные средства в малайзийскую экономику (около 23 млрд. долл.), КНР отдавала безусловный приоритет крупным проектам в энергетике, разработке и добыче стратегического сырья и транспортной инфраструктуры. В конечном итоге они нацеливались на обслуживание в будущем экономики самой Поднебесной и ее геополитических интересов. В частности, строительство участка железной дороги в Западной Малайзии должно было добавить необходимое звено в прокладке трансазиатской магистрали, которая в перспективе соединит прямым сообщением Пекин и Сингапур. Одновременно в Пекине неохотно шли на капиталовложения в обрабатывающую промышленность Малайзии, явно не желая создавать себе дополнительных конкурентов. Подрастая мелкими шапками, они составили в сумме в 2009 г. лишь 47 млн. долл.²⁹

Что же касается оценки правительством Наджиба «мягкого наступления» КНР, по мнению Куик Чэн Чуи (*Kuik Cheng Chwee*), авторитетного специалиста-международника Национального университета Малайзии, пока активизация Китая в сфере региональной безопасности напрямую не вступала в противоречие с геополитическими интересами творцов внешней политики Малайзии, Путраджая будут воздерживаться от резких шагов и заявлений, весьма сдержанно реагировать на подвижки в складывающейся ситуации.³⁰ Это вовсе не исключало появления в малайзийских СМИ отдельных высказываний с выражением озабоченности по поводу усиления, например, роста нестабильности в акватории ЮКМ.

Заключение

Отношения Малайзии с Китаем прошли длительную эволюцию: от взаимной враждебности и подозрительности, сохранявшихся вплоть до конца 80-х годов прошлого века, до тесно-

го партнерства в первом десятилетии XXI века. Под влиянием растущего политэкономического прагматизма правящей элиты Малайзии, курс страны по отношению Поднебесной закрепился на позициях комбинации различных вариантов внешнеполитической стратегии.

Прежде всего, Малайзия наряду с такими ветеранами АСЕАН, как Сингапур и Таиланд выступила поборницей и проводником политики «глубокой вовлеченности» Китая в сеть постоянно увеличивающихся двусторонних и многосторонних (в рамках диалога АСЕАН-КНР) связей, контактов, официальных и неофициальных договоренностей, получившей в теории современных международных отношений термин *engagement-binding strategy*. Однако, поскольку ни Малайзия, ни страны АСЕАН коллективно не обладали потенциалом, позволяющим эффективно проводить стратегию «глубокой вовлеченности», крайне важным представлялось сохранение присутствия в ЮВА других крупных держав, дабы удержать КНР в русле «конструктивной вовлеченности». Под этим углом зрения следовало рассматривать заинтересованность Малайзии и ее партнеров по АСЕАН в участии внерегиональных держав в АРФ и ВАС.

По мере укоренения принципов политэкономического прагматизма во внешней политике Малайзии, пионером которого выступил Махатхир и занявших едва ли главное место в зарубежной дипломатии Путраджаи, стратегия «глубокой вовлеченности» стала в растущей степени комбинироваться с элементами закамуфлированного признания превосходства Китая в региональных делах (*limited bandwagoning*).

С точки зрения Куик Чэн Чуи, архитекторы внешнеполитической стратегии Малайзии избрали этот путь, стремясь извлечь максимальные выгоды из развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества с Поднебесной и достижения некоторых важных внешнеполитических задач. Такая стратегия была не только желательной, но и необходимой для правящей элиты Малайзии с точки зрения удержания государственной власти в полиэтнической стране. Поступательное развитие торговли и инвестиционного сотрудничества с КНР предоставляли верхнему эшелону правящего Национального

фронта дополнительные возможности для более или менее пропорционального дележа национального экономического пирога между различными этническими группами с целью завоевания на свою сторону большинства электората на всеобщих и региональных выборах. Одновременно поддержка Пекина инициатив Путраджаи по формированию новой архитектуры экономического взаимодействия в Восточной Азии выступала как важное подспорье укреплению авторитета сменявших друг друга правительств Национального фронта как внутри страны, так и на региональной политической арене.³¹

Для сравнения, по этому пути не пошла Индонезия, традиционно рассматривавшая Китай как геополитического соперника в ЮВА и не проявлявшая особого интереса в реализации при поддержке Пекина планов формализации восточноазиатского экономического сотрудничества. Сходной позиции придерживался Сингапур в силу особой чувствительности местной элиты к вопросам сохранения государственного суверенитета островной республики, а также из-за опасений по поводу долгосрочных амбиций набирающего мощь Китая. Находившиеся в состоянии непосредственного противостояния с Китаем в ЮКМ Филиппины, в свою очередь, избрали стратегию «балансирования малой интенсивности» (*low-intensity balancing*). Манила приветствовала сохранение американского присутствия в регионе и поощряла доступ Пентагона к военным базам на своей территории, одновременно расширяя торговое и инвестиционное сотрудничество с КНР.

¹ Karminder Singh Dhillon. *Malaysian Foreign Policy in the Mahathir Era. Dilemmas of Development*. Nus Press, Singapore, 2009, p.140

² *Op. cit.*, p.151

³ Wain, Barry. *Malaysian Maverick. Mahathir Mohamad in Turbulent Times*. Palgrave Macmillan, 2009, p. 261

⁴ Цит. по: Karminder Singh Dhillon. *Op. cit.*, pp.153-154

⁵ Урляпов В.Ф. Проблема архипелага Спратли: современное положение. Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. М. Институт востоковедения РАН, 1997, с.212

⁶ Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции М.: Готика, 2007,

сс. 148-150. Jing-dong Yuan. China-ASEAN Relations: Perspectives, Prospects and Implications of U.S. Interests, October 2006. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files>

⁷ Цит. по: Маслов Г.М., Урляпов В.Ф. Вьетнам в системе современных международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: ИД «Ключ-С», 2009, с.181

⁸ Bilateral Diplomacy. Ministry of Foreign Affairs. www.kln.gov.my

⁹ The Straits Times. Singapore, 17.12.2005

¹⁰ International Herald Tribune, 30.10. 2006

¹¹ Beijing and KL Boosting Security Ties. [http:// www. siaaonline.org/home?wid=171&func=view](http://www.siaaonline.org/home?wid=171&func=view). 12.04.2006

¹² Ibid.

¹³ Storey, Ian. Malaysia Hedges its China Exposure. Asia Times Online. 17.07.2007

¹⁴ Sutter, Robert, Chin-Hao Hung. China-Southeast Asia Relations: Military Diplomacy and China Soft Power. Comparative Connections. A Quarterly E-Journal on East Asian Bilateral Relations. June 2006, p.78

¹⁵ Holmes, James. “Soft Power” at Sea: Zheng He and China’s Maritime Diplomacy. Virginia Review of Asian Studies, 2007, pp.1-2

¹⁶ Lim Tin Seng. Renewing 35 Years of Malaysia-China Relations: Najib Visit to China. [http:// www. eai.nus.edu. sg](http://www.eai.nus.edu.sg). 03.06.2009, p.3

¹⁷ Op. cit., p.5

¹⁸ New Straits Times, Kuala Lumpur, 04.06. 2009

¹⁹ The Star. Kuala Lumpur, 08.02.2009

²⁰ Lim Tin Seng. Op. cit., p.8

²¹ Ibid., p.10

²² The Star. , 06.06.2009

²³ Malaysia PM Wants Friendly Talks. China Daily Online, 04.06. 2009

²⁴ New Straits Times, 05.06.2009

²⁵ The Straits Times, 12.11.2009

²⁶ PM Najib: Malaysia Hopes Trade with China Will Double in 5-6 Years. [http://www. namnewsnetwork.org/ 2/ read.php?id=118471](http://www.namnewsnetwork.org/2/read.php?id=118471). 28.04.2010

²⁷ The Straits Times, 12.01.2010

²⁸ CIMB Picked for Role in China Ties. <http://www.btimes.com.my/> Current News/ BTIMES/articles. 30.10.2010

²⁹ The Straits Times, 08.10.2010

³⁰ Ibid

³¹ Kuik Cheng Chwee. The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore’s Response to a Rising China. Contemporary Southeast Asia, August 2008, p.13